

Независимая газета. — 1992 — 12 июня

МАЛЬЦЕВ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ «МОСТ»

Русская театральная школа — лучшая в мире.
Это ясно теперь и Тель-Авиву

Маргарита Хемпин

Театр

— ВЯЧЕСЛАВ, кого вы приехали вербовать?

— Ну да. Другого вопроса для начала я и не ожидал. Обо мне и о театре пишут много глупостей.

— Спасибо.

— Правда-правда. Например, что я поссорился с СТД и поэтому уехал в Израиль. Я профессионал. И пока существовали Театральные мастерские, пока были люди, которых я не мог оставить, бросить, я был здесь. Хотя уехать мы с женой хотели давно. Но вот так произошло, что оставаться здесь стало незачем. В профессиональном смысле. Мы подумали и решили, что в Израиле можно интересно поработать. Мы с Женей Арье разработали проект театра, обратились сначала к Натану Щаранскому — он поддержал наш замысел. И вот в театре «Гешер» 20 апреля 1991 года состоялась первая премьера. А формально театр существует с 1 января того же года.

— Иврит — трудный язык. Есть страны с языком и полегче...

— Мне все равно. Если я почему-то решу открыть театр в Индонезии — я изучу обстановку и сделаю там театр. А что касается языка... Да, Израиль — трудная страна. Но не труднее других.

— И все-таки по публикации о «Гешере» создается впечатление как о пятой колонии в инфраструктуре израильской культурной жизни. Русский театр с российскими актерами — евреями и неевреями. Так что вы не обижаетесь за «вербовку»?

— В Израиле первое время тоже было такое ощущение. Сейчас, слава Богу, нет. Меня же спрашивали, когда затеялось все это дело с театром: кого ты зовешь? Я отвечал всегда одно и то же: никого.

— Всем отвечали?

— Всем. Мы с Арье искали вот из чего: человек уже выбрал, где ему жить. Мы возникаем — потом. Не до того. А звать кого-то куда-то — это другое дело. И другая профессия. Может быть, я мечтал бы работать с Юрским или Калыгиным. Но они не едут жить в Израиль.

— В Израиль люди приехали начинать жизнь сначала, они учат язык, встраиваются в быт. И тут вы — снова здорово... Странно, что государство вас поддерживает. Вы же мешаете адаптации.

— Мы помогаем адаптации. Реально человек не может сразу влиться в малознакомую культуру. Мы облегчаем этот процесс. Мы вместе с новоприехавшими проходим путь от первых шагов до...

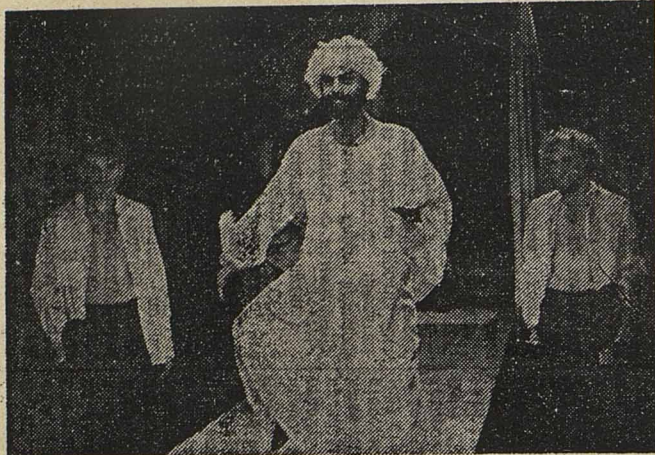
— До?

— Хотя, наверное, плакать и смеяться на русском языке приехавшие в Израиль будут не одно десятилетие. И, кроме всего прочего, человек, выросший в русской культуре, воспитанный русским театром... Честно говоря, не думаю, что это может надолго остаться. Это слишком прочно. Сложилась интересная ситуация — сегодня мы можем играть и на иврите. И то, как мы это делаем, — Чехов, Гоголь, Маяковский на иврите, но на русской основе, с тем, что называется русской школой, — гораздо интереснее израильтянам, чем театры, играющие ивритскую классику на иврите.

— Ваша попытка создать русскоязычный театр в Израиле удалась?

— Нет. Много было попыток. Как ни странно, когда мы начинались, русскоязычная община встретила нас в штыки. Я

Человек, придумавший и сделавший то, что назвали Театральными мастерскими при СТД, работает сейчас в Израиле. Там он — Вячеслав Мальцев — и режиссер Евгений Арье придумали и создали театр «ГЕШЕР» — «МОСТ».

Сцена из спектакля «Розенкранц и Гильденстерн мертвы».

понимаю... Мы приехали ломать миф: приехавшие раньше — все сплошь гении, у них ничего не получилось с подобным театром, они не смогли ничего сделать в Израиле. Миф о самом талантливом человеке, который не состоялся в Израиле, потому что Израиль — такая страна. Вот если бы не языковой барьер, тогда они всем бы показали. В Израиле вообще много мифов.

— И что же за год сделано? — Во-первых, за год мы стали театром, о котором пишут «лучший театр Израиля», «Русское чудо израильского театра». Мы начинаем играть на иврите. Вообще-то все спектакли идут с синхронным переводом.

— Визитная карточка «Гешера» — спектакль «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Тома Стоппарда, поставленный Евгением Арье.

— Да-да. Он с триумфом прошел сейчас в Нью-Йорке. Играем вариации на тему русской классической комедии — трансформация темы свадьбы в русской комедиографии — Гоголь, Фонвизин, Маяковский. От XVII до XX века. Последняя по времени премьера «Кабала святош» Булгакова. Сначала — на русском, теперь перевели на иврит. Играем два варианта. Еще один новый спектакль — «Дело Дрейфуса» по пьесе Жана Клода Грюнберга. Сюжет с реальным делом Дрейфуса ничего общего не имеет.

Недавно приехавший Владимир Портнов ставит «Контракт» по Мрожеку. Играть будут два актера — Саид Багов (помните его во «Взрослой дочери молодого человека» в роли сына?) и Леонид Каневский.

— Вы испытываете неудобства от того, что «Гешер» так быстро стал популярным?

— Не понял.

— Ну есть же еще и другие театры. Старые, заслуженные. Им должно быть обидно.

— Есть вещи самоочевидные: актерам русской театральной школы в Израиле никто не может составить конкуренцию. То же и с режиссурой. Честно говоря, я немного побаиваюсь игры на иврите. Это не только смена языка, это отразится и на манере, и на всем строе спектакля. А что касается ревности — так наши артисты просто нарастают.

— Не раскватули пока?

— Раскватули бы, да они не соглашаются. Мы все хорошо понимаем, какой театр мы сделали. Мы сделали театр-ансамбль. Где все вместе — это высокий класс. Но — все вместе.

— Почему не с вами работает Михаил Козаков?

— Да это же ясно, по-моему. Он премьер, звезда. Когда Миша приехал в Израиль, «Гешер» уже сложился. Место для актера, замечательного актера Козакова в труппе было. Для первого актера театра — места не

было. Такого места в «Гешере» не существует вообще. И потом, конечно, есть экономическая причина. В Камерном театре, где сейчас играет Миша, платят намного больше, а год назад играть в Камерном означало еще и то, что ты крепко стоишь на ногах. Мы рисковали, очень рисковали... Миша, видимо, рисковать не захотел.

— Он сыграл в Камерном Тригорина в «Чайке», и, судя по доходящим до нас рецензиям, сыграл как-то не очень.

— Не очень. Спектакль поставил Борис Морозов. Из Малого театра. Так что я бы Мишину неудачу поделил как минимум на два: Морозов тоже оказался в этом случае «не очень». «Чайка» быстро сошла со сцены. В газетах тогда писали: «Мы сделали все, чтобы наши дети не любили Чехова».

— Валентин Никитин?

— Не получилось с Никитиным. К сожалению, не получилось. Долго мы пытались найти общий язык — никак...

— У «Гешера» есть своя территория? Вообще-то театральная карта во всех странах выглядит с налету почти одинаково...

— В Израиле картина необычайно пестрая. Во-первых, пять государственных репертуарных театров: Габима, Камерный, Хайфский, Бершевский и Иерусалимский театр «Хан». Мы — шестой репертуарный театр, который получает государственную дотацию. Кроме этого есть еще три театра, не репертуарные, и они получают государственную помощь. Остальные — антрепризы, труппы на одну постановку и прочие — существуют сами, как получается. Что же касается приблизительно одинаковой для всех стран «карты», то — да: МХАТ и Малый — Камерный и Габима, есть БДТ — Хайфский и что-то вроде Самарского театра Монастырского — театр в Бершеве. Есть нечто вроде Московского театра комедии — театр «Хан». Вот примерно так. Я имею в виду класс, уровень, конечно. Но главное — совершенно иные традиции. Честно говоря, особенность здесь в том, что традиции нет. Станиславский с Немировичем все-таки совершили революцию в театральном сознании. И неплохую революцию. Интересно, что критики все время повторяют: «Удивительная труппа в «Гешере», как будто актеры все время играют вместе». Так они действительно играют вместе! Не то что мы не любим звезд! Но ансамбль — наш принцип.

— Сколько человек — «Гешер»?

— Всего в театре 32 человека. Актеров — 14, постоянных актеров. Играем 20—28 спектаклей в месяц. В самом маленьком спектакле у нас занято 12 человек.

— Интриговать некогда?

— Некогда. Играем не толь-

ко в Тель-Авиве, но и по всей стране. Даже в кибуцах. Везем с собой все свое: компьютерный свет, звук, декорации и прочее. Выездных вариантов не существует.

— Сейчас в Израиль едут на гастроли. Кто только не едет...

— Приезжают по гостевой визе, билеты на такой концерт в три-четыре раза дешевле, чем в театр. Люди приезжают зарабатывать. Что делать... Недавно в Израиле оказалось сразу восемнадцать гастролеров. Восемнадцать концертов каждый день. Речевки, режиссеры, композиторы... Человеку нужно просто пойти и отдохнуть вечером. Конечно, он выбирает такой концерт. Да еще ностальгия... Но прежних сборов на подобных представлениях уже нет. Выступающим платят примерно по 50 шекелей (20 долларов). Полтора десятка концертов — и можно какое-то время прожить в России. Приезжают другие, но снова — разговорный жанр. Идет просто чёс, приезжают шабашить.

— А сколько получают актеры «Гешера» за спектакль?

— Во всяком случае, не 50 шекелей. На эти деньги и один раз в магазин не сходишь. Театр в Израиле — очень дорогое удовольствие. И билеты дорогие, и платим актерам прилично.

— Вы сказали, что театр постепенно готовится перейти и на иврит. Что, чисто русскоязычной публики уже не хватает?

— А вы думаете, что в Израиле действительно «на четверть бывший наш народ»?

— Как будто...

— Всего русскоязычного населения — со стариками, с детьми — 500 тысяч. 350 тысяч приехали сейчас и 150 — в 70-е. Всего-то и населения около четырех миллионов. Русскоязычная община только теперь вышла на второе место.

— А кто на первом?

— Румынские евреи. Так что повсеместно звучащая русская речь — еще один советский-тиф об Израиле.

— В Израиле довольно много режиссеров — выходцев из России...

— Ну вот опять «много». Вы думаете, сколько? Да и неважно. Юрий Петрович Любимов. Вы, конечно, его имеете в виду.

— Не «конечно», но имею.

— Я очень плохо отношусь к Любимову. Человечески, политически и как там еще можно сказать...

— И потому он не может работать в вашем театре?

— Нет-нет, вы неправильно поняли. Дайте я договорю. Мы обсуждали этот вопрос с Женей Арье, Катей Сосонской — нашим запитом... После того как от друзей Любимова поступило предложение, очень неопределенное, но так: «а что, если бы» и так далее. И вот мы обсуждали. Жена — ни в какую, Катя тоже, ну и я, как уже сказал. Мы же все эфросовцы. Я и Жена учились у Анатолия Васильевича, Катя очень дружила с семьей... Но мы решили; конечно, надо наступить на горло личным чувствам. Любимов профессионал. Прежде всего — это для театра важно. И мы сказали, что готовы обсуждать этот вопрос. Но вдруг — открываю газету и читаю: Любимов заявляет, что русскоязычного театра в Израиле быть не может и прочее и прочее... Голословное заявление, просто так. Впрочем, как обычно...

— На гастроль куда-нибудь собираетесь?

— Едем на фестиваль в Цюрих с «Кабалой святош».

— А к нам когда?

— Приедем обязательно. И это будет не шабашка.

— Посмотрим, посмотрим...

— Посмотрите, посмотрите.